

и дикости. Онъ любилъ народную старину, обычай, пѣсню, какъ поэтическую сторону народнаго быта; онъ съ теплымъ чувствомъ рисовалъ картинки сельской жизни, гдѣ, хотя бы и въ грубоватой формѣ, неизбѣжной въ тяжеломъ быту, выражались чловѣчныя отношенія, чувства правды и добра, но онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы видѣть въ народной жизни патріархальную Аркадію или наилучшую общественную организацію. Если сравнить его съ новѣйшими идеализаторами народа, мы найдемъ между ними не одно рѣзкое противорѣчіе. Левитовъ не склоненъ видѣть въ народномъ міросозерцаніи готовую мудрость, готовыя формы бытовой справедливости; въ сущности, онъ и не ставитъ такихъ широкихъ вопросовъ; онъ смотритъ на народную жизнь въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ и не дѣлаетъ выводовъ, превышающихъ эти проявленія или имъ противорѣчащихъ. Въ его разсказахъ вообще найдутся обильныя черты для характеристики тѣхъ традиціонныхъ нравовъ, самобытныхъ, «нетронутыхъ», «не испорченныхъ западной цивилизаціей» и т. д. Эта тема мудрой народной патріархальности, какъ извѣстно, еще со временъ Петра давала богатую пищу консерваторамъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ оттѣнка Аракчеевскаго и кончая Маниловскимъ. Въ преувеличенную идеализацію этой патріархальности, какъ извѣстно, нерѣдко впадаетъ и новѣйшее народничество. У Левитова, который вообще не задавался никакими теоретическими рѣшеніями—именно расточаемыми столь обильно новѣйшимъ народничествомъ—едва ли найдется какая-нибудь фальшивая черта этого рода. Онъ даетъ напротивъ правдивую картину этихъ нравовъ, вѣрность которой едва ли заподозрить кто-нибудь, нѣсколько знакомый съ ними. Было бы долго перечислять примѣры, масса которыхъ разсыпана во всѣхъ его разсказахъ. Укажемъ нѣсколько образчиковъ.

Народный бытъ представляется Левитову не только въ его настоящей минутѣ, но въ цѣльномъ представленіи съ его давнимъ и недавнимъ прошедшимъ. Его очерки изъ народной старины («Аховскій посадъ», воспоминанія лѣса въ «Уличныхъ картинкахъ» и др.) отличаются такими поэтическими достоинствами, что ихъ можно поставить рядомъ съ лучшими произведеніями этого рода въ нашей литературѣ, хотя они и остались не достаточно выработанными. Времена крѣпостного права внушили ему нѣсколько разсказовъ («Моя фамилія, изъ воспоминаній временно-обязаннаго»; «Мое дѣтство»), гдѣ проходитъ передъ нами правдивая психологія чловѣка, выросшаго подъ